

Приятного чтения!

«СИЛЫ МОИ ОМЫЛИСЬ»

«Уведи у вора корову и деву» — произносили наши пращуры, безусловно веря в магическое действие Слова. Фольклорное, мифологическое слово — это Слово-Действие и одновременно Слово-Постижение. Магические жанры фольклора — пририцание возможного. В этом ряду — палиндром: слова, строка, фразы, которые можно прочитать одинаково, слева направо и наоборот (палиндром — с греческого — «бегущий назад»). Как и многое, возникшее с началом речевой деятельности человека, палиндром забывался временами, но каждый раз возвращался к людям на новом витке жизни и в новом качестве.

Образцом для русских письменных палиндромов стали греческие и латинские примеры, а также польские, один из первых палиндромов был написан Симеоном Полоцким на польском языке. В начале XIX века Державин написал две гениальные обратимые строки:

Я разуму уму заря,
Я иду с мечем судия...

Однако подлинный расцвет русского палиндрома наступил в XX веке. Классиком палиндромического стиха стал Велимир Хлебников. Его «Перевертень» (1912) и особенно поэма «Разин» (1920) дали полноценные примеры равноправности обратимой строки со строкой, читающейся только в одну сторону. В программной статье «Свояси» Хлебников отмечал: «Я в чистом неразумии писал „Перевертень“ и, только пережив на себе его строки: „чин зван... мечем навзничь“ (война) и ощутив, как они стали позднее пустотой, „пал а норов худ и дух ворона лап“, — понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным „я“ на разумное небо». Таким образом, Хлебников рассматривал палиндром как проективную форму искусства слова, которая менее других просчитывается заранее.

После Хлебникова к палиндромии обращаются такие разные поэты, как Валерий Брюсов, Илья Сельвинский, Александр Туфанов. Но с начала 30-х годов всякий поиск в искусстве слова был прекращен, запрет был наложен даже на древнейшие формы поэзии. Возвращение палиндромического стиха в литературу начинается в 60 — 70-е годы. В печати появляются лишь опыты С. Кирсанова и А. Вознесенского, хотя наиболее интересно в это время работают В. Хромов, С. Сигей, Н. Ладыгин и некоторые другие авторы.

Смолянин по рождению, Николай Иванович Ладыгин (1903–1975 гг.) во время войны попадает в Тамбовскую область. Именно в Тамбове он открывает для себя возможности палиндромического стиха. Художник и поэт, человек разносторонних интересов, он на редкость легко и свободно обращался с полюбившейся ему формой. Уже первые его опыты были высоко оценены такими известными деятелями литературы, как поэты Николай Глазков и Александр Межиров, литературовед Борис Двинянинов. Однако, несмотря на все усилия, предпринимаемые друзьями поэта, напечатать в то время почти ничего не удастся. Лишь в 80-е годы творчество Ладыгина становится известным читателям альманахов «День поэзии» и «Поэзия», журналов «В мире книг» и «Волга», его творчество вызывает и научный интерес в связи с возвращением в литературу имени Хлебникова.

Что же представляют собой палиндромические стихи Николая Ладыгина? На первый взгляд это просто стихотворения и небольшие поэмы, только написанные обратимыми строчками. Как правило, в них выдерживается последовательность изложения. Рифм нет, но размеры время от времени возникают, что характерно для

русского свободного стиха. В палиндроме Ладыгин стремился к максимальной конкретности. Это относится и к его пейзажным стихам, и к бытовым зарисовкам, и к историческим поэмам. Всюду — конкретная природа, конкретный случай, конкретное историческое событие. Отличие, видимое невооруженным глазом, в том, что отдельные строки читаются при известном напряжении ума и понимании того, как это построено: «Золотисто, вот сито лоз» (при этом много легко читающихся строк, например: «И нет еще тени», «Силы мои омылись»). Еще одна трудность — нередко встречающиеся незнакомые слова или формы слов (богатый словарный запас, виртуозное владение языком). Наконец — необычное соседство слов. Тут Ладыгину приходилось действовать как композитору или художнику, которые создают новые произведения, отыскивая новые соединения звуков и красок.

В палиндромическом варианте явления, описываемые поэтом, освобождаются от однозначности. Речь становится «двояковыпуклой» как определил палиндром В. Хлебников. Например, в стихотворении «Протопоп Аввакум» палиндромичность помогает воссоздать без стилизации страстный аввакумовский слог, причем не на уровне отдельных строк, даже таких мощных, как: «Ада псари и распада!», а на уровне целого. Или пример из поэмы «Иван Грозный», самое начало:

Ум, роняя норму,
Лих и хил.

Можно сказать об этом и как-то иначе, но впечатление неизбежно будет потеряно. От того, что строки читаются в обе стороны, создается ощущение не субъективной, а объективной истины. Читайте это с другой стороны — и получите тот же результат. Так, старинные ярмарочные артисты, например, особенно не морализировали по поводу того, что ругательство, посланное в чей-то адрес, вернется к тебе же. Они произносили всего одну строку:

«На в лоб, болван!» На всякий случай эффект можно проверить, прочитав в обратную сторону. А прочитав у Ладыгина строку: «О Вера моя, о марево», или «И жар и миражи» — невольно задумаешься, почему же так *единственно* сходятся слова?

До сих пор книг, состоящих целиком из палиндромических стихов, в России не выходило. Эта первая. Первая она и у Николая Ивановича, которому в 1993 году исполнилось бы 90 лет.

Обращаясь к неведомому читателю, Николай Иванович писал:

Один души пишу дни до
Отказа. Кто
Ты? Пойми опыт
И жар и миражи.

Палиндромические стихи Н. И. Ладыгина воскрешают слог древней русской литературы, восходящей к библейскому слогу, одический пафос Ломоносова и Державина, фольклорную веру в слово. «Звуки лиры» спасающие «дела людей» от «пропасти забвенья», здесь как бы удваиваются. О палиндроме можно сказать словами самого Николая Ивановича, что это «року укор». Разве не в этом, не в преодолении роковых обстоятельств и состоит один из многих смыслов искусства?

Сергей БИРЮКОВ.

Николай Ладыгин

ЗОЛОТО ЛОЗ

Палиндромические стихи и поэмы

I

Осенний сон

Не сова ли была в осень
Лапой? И опал
Лист от сил
Ее?

Не дремуч умер день,
Нет, сам он — заря, разномастен.
Колер елок
Как
Еж, тот же,
Золотисто, вот, сито лоз.

Теша манила калина, машет:
Я алая!
И ладили да кадили дали,
И нет еще тени,
Но сыро. Голубое обуло горы. Сон.

Поле

Ах это поле! Не лопот эха,
А сок и сок. Коси, коса,
И налети, роса. Да, сорите, лани,
Убегая. А Гебу...
И Геба, беги.

Да, над
Лугом могу ль
Те пени не петь!
Они убыли силы буйно, —
Там холмы, дым лохмат,
И лик шурги игрушки ли?

Или так и ладно? Вон, дали катили
И воля. Лови
Ее.
Как
Удел с опыта. Ты по следу

Иди.

Не див, а завиден
Лес-то отсель,
Лес. У ракиты быт и карусель.

Или леса заселили
Девы — те в цене цветы. Ведь
То весна в авансе. Вот
Они, как атака, кино,
Как
Море, залп лазером...

Ах это поле! Не лопот эха,
А сок и сок. Коси, коса,
Яро года... Надо, горя,
Те Дивы видеть,
Те пени не петь.

Весна

У города на дорогу
Ураган нагару
Летел,
А голого лога
Лен еле зеленел.

А лес у села,
Как
Золото лоз...
Дарю, рад,
Зорям имя роз.

Летев с ветел,
В озере зов
Учил кличу
И
Воле перепелов.

В озере зов,
И горели в иле роги
Коряг. Ярок,
Нов зари мира звон.

Тут
Не вид дивен,
Не день,
Тот от
Леса насел, —
А летела,
Алела
Весна. Дан сев.

Лето

На реке рань,
До воды, до вод
Осоки косо
Сели. И лес
Висел. Лес ив.

И кричали у ила чирки,
Тут —
Коростели, лет сорок,
Тополя лопот,
И ели милей
Дива на вид.

Еще
Не день.
Хорошело поле, шорох
И лад вдали, —
И мани, трактор-крот, картинами
Силача. Качались
Низины низин
И гор-то отроги.

Еще
Гул. Еще луг
Ревел. Клевер
Косили, сок
Летел.

Али лавину нива лила
Урожая? Аж ору:
Ура! Чару!
Дар гони, виноград!

Осень

Голо. День недолог.
На поле мело. Пан —
Мороз взором
Нес осень.

И лоб одолело до боли
Ее
Гудение, и недуг
Зло полз.

Но слетел сон,
И ладили, жили дали,
Или на мир озими зори манили? —
Не сев ли жил весен?

Зима

Не совы в осень
Туром орут —
Нов зимы дым и звон:

Там холм лохмат
В инее нив,
Тут
Мороз узором
Окно тонко
Лепил. И пел
У сел, в лесу.

И он севером, как море весной
Бушевал... В лаве шуб
Ужо хожу
И я лугами. Зима, гуляй!

На севере

Не сила романа морали сень
У сел воля. И сияло в лесу
Золото лоз.

Нежа лань, налажен
Лад. И даль
Нова. Вон —
Олени. Синело.

Лед зари раздел
И косогор, и рог осоки.
Не жар сражен.

Дева ведь
Умолима. Милому —
Тебе щебет
Ее:
— Гуляй! Я — луг.
Я — месяц. Я — семя.
Я, де, белее лебеда,
Машу душам
Будущим. Ищу дуб.
Или
Удалого ладу.

У сел в лесу

Ты пой, опыт,
О лесе. Все лес! Весело
У сел в лесу.
Моден не дом,
Тут
Топот,
То по лугу лопот,
То хохот.

Кот — юла малюток —
Тише тешит.
Лен с арки краснел,
Как
Сурик. И Русь
Молодите, дети... Долом
Иду. Гитара: та-ра-ти! Гуди!

Ты пой, опыт,
Мир им!
Моден не дом
И клуб. Булки
Маслил сам.
Около молоко,

То рис у сирот,
Лес и кисель!

Ешь, лобан, на больше!
Даст еду детсад.
И ребята: — Батя, бери! —
Как
Ром, юмор
У ребят я беру.
Но снеси ваза. Завиден сон
У сел в лесу.

Иду. Гитара: та-ра-ти! Гуди!
Ты пой, опыт.
Мир им.
Он же дан надежно!

Весеннее

Лег на храм архангел,
И разнотон зари
Он видит, и дивно
Ему в уме.

Еще
Лег на храм архангел
Но кис. С икон
Лак сатана таскал
Девкам. Мак ведь,
Намазались. Сила заман.
Но вздохи их — одзвон.

Летел бог. Облетел
Весной он сев
Ярового, говоря:
— Олимп! Мило!
Лише, решил:
— Гори, рог
Луны! — Вынул
Лиру, курил,
Сел в лес.
Но взмок-то пеший, и шепотком звон:
Трам-трам! Март-март!

Тут

Солнечен лось,
Как
Леший, шел,
Лосих и соль
Лизал и лазил.

Тут
И часок косачи
Ломались. Сила, мол,
Ломит и мол.

Летел бог. Облетел
И край, и арки
У дорог к городу.

Лише, решил:
— Гори, рог
Луны! — Вынул
Лиру. Курил,
Потопывая... А вы — потоп?!.

В мае

Нега ли, сила ген?
Будила дали, дуб,
То полыни соки, лик осины, лопот
Ее?

А на диво нови дана,
Толпяся, плоть,
Зелена. Да не лез
Мороз уже, как еж узором.

В овраге нега рвов —
Не диво. Виден
В окно ров. А жаворонков
Туча чуть
Колеблет тел белок.

У дорог к городу —
Силен дивно фон — виднелись
Рессоры. Вырос, сер,
Как
Колесо, лопух. У полос елок —

Ил, сора заросли.
Ужи, вижу.
Писк, сип,
Шип... Ишь
Ты, быт.
Тут
Иволги миг лови,
У сел: ку-ку! К лесу
Катило. Все с воли так
Течет.
Ты бог! О, быт!

У реки

— Лешка-рыбак! Кабы рак шел!
Ялик у кия
Течет!

— Абы рыба...
О била, либо.
Окунь? Ну-ко!..

У кущи шуку
Дед
На кукан
Вел, как лев.
Он пел о киле великолепно,
О лесе весело.

Ели в иле
Бел хлеб.
Пел слеп
Дед:
— О-хо-хо!
Диво вид,
А вода адова
Оглодана надолго.
Анилины
Туда дадут...

А Нина, Нина
Тут как тут,
Молодо подолом
Алела.

Леша шел
И чудил идучи.
То хохот,
То ропот, то порот
Он, но
На воле целован
Ладно. Он дал
Ладе медаль —
Розу, как узор,
У кущи шуку,
Окуня. — Ну-ко,
Мед, идем!

А лада гадала:
Тени нет.
Пел слеп
Дед.

Лань

Не окопы... Ты покоен,
Нежен
И рад. Опыт ты подари
И Ладе медали.
Ты бывал славы быт.

На лугу лань
Нес я, а в озере березовая сень
Лепетала. Тепел
Лес у сел.

И гашу шаги
И жалко поклажи
(Дева ведь).
И жарко, но кражи,
Ода, не надо.

Или дол охолодили
Тени? Нет,
Не мал пламень.
Мечту ребенка так не берут, чем
Отражала жар-то?

Рода задор
Я вижу, живя,
Умом. И диво, по-видимому,
И маг не решит. И шеренгами
Ясли... Сон носился
С окопа на покос.

А дар-то отрада
И магу... Лугами
Я омыт, и ты моя.
На лугу лань
Нес я, а в озере березовая сень
Лепетала. Тепел
Лес у сел.

Начало зимы

Мело полем.
Оно,
Как
Лед, угрюмое. Реомюр гудел
И лад, и вывихи вы видали.
Но синел клен, и сон
Липы выпил.
Мок сук, и куском
Алым звень. Не взмыла,
А летела
Заря. Раз!
И розами — зима. Зори
Алели. Милела
Ты, выть
Низин.
Вон, в тине, в зареве вера звенит вновь.
А ну, летите, Луна!
Были миги милы б,
Али сон. А зима, гуляя лугами, заносила
Дороги и город.

Лес

Дол оглашал голод
Реки. Напиши, паникер,
Как
Лес осел,
Как
Лес окосел,
Или

Надолго оглодан.

Еще
Рабы бар
Силились:
Или бар грабили,
Или бор гробили.

Мото-пилы были потом.
В омуте нет умов.
И лише психи спешили,
В резерв
Воровали. Пила воров —
Сила. Вались,
Дубы. Будь,
Бор, гроб.
От чинуши пишу. Ничто!
Не сосен
Жаль, — лаж
Ему в уме.
И он до одной
Липы выпил
Сока. Накось!

Ты, быт,
Нов, обуздал ад зубов. Он,
Как
Мор губил, и бугром
Рос, как сор.

Конец зимы

Не дыми, зимы день,
Мороза разором!
Ох и лижут стужи лихо, —
И на сцене: бубенец, сани,
Кони, сон осинок.

И шумело полем. Уши
Те опешили. Лише поет,
Летя мятель.
Видели лед ив?

А луна канула,
Села за лес

И отсияла. Валяй! Стой!
Но сани... дороги... миг. О, родина — сон.
Молод я, долом
Иду, буревая. А веру буди.

Но сняло полян сон.
Дед —
Мороз босиком, и мок, и с обзором
Катил, и так
То вилял, теплел, петлял. И вот,
И его пал апогей,
И март улетел утрами.

Тучи ли были чуть,
И розово зори,
И лилии лили:
Май, миф и фимиам.

Новогоднее

Летит ель,
Дорога, город
И лес ив. Висели
Рано флаги. Мигал фонарь.
Катили так
Сани нас.

А жены, нежа...
Те — в сон. Но свет
Летит сел. Блестит ель,
Да стужи лижут сад,
То висел лес. И вот,
Как
Урод, ору:
Ура! Пылай фиалы! Пару!
Анна!
Дорогая! А город
Летел.
А дороги нет. Тени города
Тащат,
Но конь —
Терпело поле — прет.

Бах! Ухаб.
Как
Вор в ров

Лечу. Учел,
И, как
На луну лань,
Уселся я с лесу.

Нежен с азарту. С утра заснежен,
Не опоем.
Да занят я. Назад
Хочу. Ну, чох,
Теребя, немного меня, берет,
Но вынул я с луны вон —
И на сани.
Вижу: жив.

Но с Новым годом! О, догмы, — вон! Сон
Или
С ухаба Бахус,
Как
Кремень не мерк.

Ужели лежу
У дивана, на виду?
Катили так
Сани нас.

II

Юность

...То вино, то взоры роз. Вот они, вот, —
Вейтесь, сети Ев!
То ли пилот —
Лев осовел.
Или бичом очи били?
Или разом озарили?
И Леву увели.

А лес-то, от села
Он далече. Ладно, —
Не сосен
И елей
Шорохи, — хорош
Ты, быт!

И Олю юлой
Носило. Воли сон,
Как
Чад удач.
Но сама дама — сон,
А тонка, как нота
«Си». Бич и чибис.

Лев цвел.
Недаром юмора день,
Как,
Сила был... Улыбались.
Сила в Оле... Целовались.

Он жених, и нежно,
Ох и лихо...
А ропот опоры
Ее.

Но сияй, сон,
И ропот, сияй. Стопори,
Ас, газуя у ЗАГСа.
Да светит Ев сад!

Ева

Невидим и дивен
Мокал бог облаком
В озере... Зов
Летел.
Вон в тине взлетел. Звенит вновь.

Или
То совы — в осот?
Тени ли? Нет.
В озере зов
Адама... Да,
Ты начал, плача, ныть.
Али на марево вера манила?

— Отче, что
Еве
Отчина? Да ничто
И арий рай.
И ей

Не сад да сень,
А чад и дача.

А вот речь чертова
Еве:
— Не тужи. Вижу тень
На лице. То отеки, лань,
Или гримаса. Мир гили
Тут. —
Ему, врагу, не заразен угар в уме.

Но медово демон
Увел Еву.
Но там Адама дама тон
Давала в ад,
И разумела дни миндалем у зари.

Демона рано мед
Отведала. Дев-то
Умаление, и не ламу
Туда дадут.
Черту тут речь
Вела: — Да, лев
Ада,
Ум и опыты пойму,
Но дале, Селадон,
И Адаму ума дай,
А то барана работа.

Теша, муж машет:
— Вижу, жив
Ты. Сыт,
Утоп в поту,
Но тон
Яр. Зря
Шипишь,
Как
Ода неба. Бабе надо
И гения, и неги.
Я — левая. Авеля,
Идол, плоды...
Мокал бог облаком
В озере. Зов
Адама... — Да,
Или быт и Лилиты били
Чертенята?.. Тянет речь
Так седой: — О, дескать,
То воли рапорт... Утро парило. Вот

Оно,
Лад жен не ждал.

Тащат
Комок
Мод в дом,
Или
Вянут, уняв
Себя-то, хотя бес
Тут как тут.
Анархия их рана.

Ода девушке

Ее ли милее
Моды дом?
Шелк и клеш,
Как
Тент? Нет!
Ее ли милее
Луг? Зари разгул?
Ее ли милее
Ты, поле? Пел опыт,
Как
Тень: — нет!
Лети, бог, обитель
Ищи:
Ее ли милее,
Дум латы — Талмуд?..
Ее
Тело — полет,
И воззови
Мечту, дадут чем
Маня, арии рая нам.
Ее
Тело — полет,
Оно
Как
Роз узор,
Как
Роз улыбка. Так был у зорь
Не вид дивен,
А ты, база быта.
Но ты тонка, как ноты тон,
И ловка, как воли
Топот.

У чар тебе трачу,

Как
Улисс, силу
И Олимп милой
Дарю, рад.

Ода женщине былого

Я нема, заменя
Нянь.
О, вера! Вот это варево!
И от супа каша капустой
Несет. А тесен
Коли мирок, укори, милок.
А за
Тем и одежда также доймет.
Корыто, ты — рок.

И посуду, сопи
И оmyвай... А вы, мои
Мечты, — сон? Но сыт чем
Он? Но
Он муж, умно
На покосе окопан,
Как
Лед, и сонно сидел.
И чуть тучи
От стирок, укорит сто
Раз... А базар?
То зараза. Раз от
Раза базар
Нес еду, чудесен,
А лапа хапала.
Иди,
Купи пук
Лука! Акул
Коли масса, милок.
А дома та мода —
Сор повис, и вопрос
Тот —
Короб уборок.

То база забот
Леденит в тине дел,
То плита — катил пот,
То пол — хлопот
Тени. Нет
И разминки к ним зари.

Ты покорена. Не рок — опыт
Умоли, — мужу милому
Не ворчи. Бич ровен
Пути и туп.
Я — няня,
Я — нюня.
И так-то откати,
И обузу, бой
И мир прими,
И, желанная Анна, лежи.

Ода мужчине

Не диво, но виден,
Не жених и нежен,
Томен. Не мот.
Как
Копер, крепок.
Муж! Ум
И воля. Лови
Удалого ладу!

Но косы с окон
Силачу ручались
Мы-де, не дым.
Девы ведь
Те возопили: — Позовет
На лугу лань
И его. Гей,
Казак!..
А мудра жар-дума.

Колдун

«Шагадам! Мадагаш!»
Возня, лопот, то полян зов,
Или
То ветер? Орете вот:
Налево — в Елань,
А направо — товар пана,
Тут
И лира, царевич и вера царили.

Ого, ты того
Не желала — лежень!

Силы разве дев зарылись?
Телу — май амулет,
Улетит сев — цвести телу...

А карта батрака?
Откинем. Умен? И кто?
Зал, как лаз,
Но диво-то видно:
Тот —
Нелеп с пелен,
Тот —
Несоосен,
А блуд у лба.
Тот,
Как
Молоко! Слыл соколом!
И если мил сей,
Как
Милого оголим!
Беду сил и судеб
Вел лев.
Беда все же свадеб
Не видна, мутна. Дан туман дивен,
Но он —
Лев осовел,
Дал клад
И лад вам! А вдали
Дебри, мир бед,
Тенет,
Сети обе. Не бойтесь,
Тут
Я. А зал — горе, сероглазая,
Я-то, хотя
Дед,
Унес к сену
Беду судеб.
Шагадам. Мадагаш!

Анна

На морщине нищ роман,
Дорогая. А город
Откинъ. Никто
Не ловил. И волен
Я-то. Хотя...

Как
Тать,

Как
Леший, шел
Мохом
И косили соки
Обид. Ибо
И Он. И Ты тиной
Даете ад...
Да что тот чад!
Нам сила — талисман
Лет и тел.
И не сон осени,
А свод ивы, вид овса
И елей
Несут эту осень
Нежности нам... Манит сон жен.

Унес к сену
Я Анну-лань. На, лунная.
Вино нив.
Ее

Камка, как мак,
Или то лозы золотили
Ее?

И мак был улыбками,
И маками
Алела
Анна.

В пути

У сел зима. Там из лесу
Дорога на город.
И дуга за села, за леса загуди,
Але! Дуга загудела.

Но кто тот конь,
Отче, что,
Как
Лев с ума даму свел,
Нес, ослепил и пел сосен
Сагу? Отче, что? Угас?

— Нет еще. Тень

Или богема (там его били).
Как
Тина мутит и туманит.
И отупел, слеп. У той
Вороны норов —
О-го-го!

О гетерке — секрет его.
Сила в оказии. Заковались
Они демоном едино.
Тот
Мед его Бог. Едем!

Сельский роман

Та милка — климат
Моря! Ода! Дояром
Ужо хожу,
А воркую у крова
Ее.
Она рано,
Как
Молоко, сияла. Валяй соколом,
И девушке векшу веде.

Весна. Да... Задан сев.
И мяло поля, и сияло полями.
Вестимо, томит сев,
То колхоз... Ох, локоть
Ее!
Или руки! Курили
Они вино.
Тело — полет
На луну. Ну, лань!
И на лике веки лани
И косы высоки.
Какие волоса!.. Соловей, как
Тенор, тронет,
Уведя деву
Лесом... Осел
Лунищи нуль —
Украду сударку,
И ей
На душе в зареве, развешу дань.

Ах, и так шалим. Милашка тиха.
У ребра жар беру,

И лад ивы видали.
На муть туман
Лилово лил,
Мокро. Губы бугорком,
Но сияли. Виляй, сон,
Как
Сила молодая! А доломались
Ив те ветви.

И дяди,
И тети —
Сила пока — копались
Тут,
А женили-таки, и катили, нежа,
Ига шаги,
Ломали дух, — удила, мол.
Катили так
И волны светлого, оголтев... Сын, лови!
На, мамань.
И верен себе, бес, не реви.
Агу! Уга!
Я — тятя.

На стадионе

О, голы бывшего!
И леги сидели,
И леги видели,
Как
Лоб туфли бил футбол.

И они валили лавиной.
Лето. Потел
Народ до ран.
Охи... Тренер тихо:
— Иди,
Мадам,
И дев веди,
Аню и Дусю... Судию на
Мыло! Голым
Рот воплем смел повтор.

А вдали сила — два
Голиафа. И лог
Туманен, а муть —
То от
Гона ног.

Вижу, жив
Еле Пеле
И тесно он сети
У ниш Яшину,
Как
Лада, плел. Падал,
Либо бил,
А то подкатом и мимо. Так до пота,
Будто тот дуб,
Или
То ров у ворот,
А непроходим. И до хор пена
Летела тел.

Ух! Рев сверху.
Тут,
Мадам,
Ищи
Логово... Гол!!!

И леди видели,
Как
Лоб туфли бил футбол.

Дети

Мал куклам
Шалаш.
Сеня нес
Идолов Володи,
Тот
Лепил и пел:
А-ла-ла!

Алла
Мотала халатом,
Али, взяв, язвила
Идолов Володи,
И не свалила в сени,
А либо побила,
Как
Миша, нашим
Топором. О, ропот:
Лева плакал, плакал Павел,
Веры рев.

Мастер орет сам:
— Али Маша ваша мила?
Лису кто... откусил?

И шутит, уши,
Теребя, берет:
— То вина Мани, вот
ее!
А Лиза-мазила
Дрогнула. Шалун горд,
Утих, и ту
Или
Те минуты быт унимет.

Катя пятак,
Катала так
Или
Сколок с
Идолов Володи,
То был куклы бот.

Алла
Мотала халатом,
Сони нос
Утирала, Риту
Али Женю нежила.

Тут
Леша шел,
Анна.
И те дети —
Магия и гам.
Мир им!

Русалка

Анна
Возникла с Урала. Русалкин зов
Ее —
Жар и мираж.

Или на реке ранили
Ее,
Или не ценили,
Или туманы, вы, намутили.

Она ранена. Рано
Дрогнула. Шалун горд,
Как
Силач. Миги мчались
Короче вечорок.

Он довлел в одно,
То вилял, и вот...
От часа что?
Роз улыбки? Дик был узор.

Тут
Дебри. Мир бед.
И вертушка, как шут, реви.
И нет лета. Тел тени...
Не нам утро. Бор туманен,
И не сойти осени.
— Ищи, — пытала ты, — пищи
Уму
И телу. Лети,
Удал, и ладу
Уведи — деву.

На реке рань.
Мани, лодка, к долинам
И на лоно лани.

Весна — море, роман, сев,
А наружу рана.
Весна — реверанс Ев,
А нам ореолы, бывшее романа.

Обе небо

— Носа фасон
Ровен. Я не вор,
Не та рука. Аккуратен,
Не замучен, не чумазен,
Не лиса. Силен.
А напущу пана
Я, беса на себя —
И лейтенант. На нет и ели —
Дубки. Дик будь,
Моду гни, борясь Робин Гудом.

Изредка, так дерзи.
Анна,
Алла —
Обе небо.
У нивок идут они и ноту диковину
Тянут. Унять
Себя, бес,
Как
Могу? Лугом
Иди.
Я следом оделся,
Учел и лечу,
Лезу в узел,
Ушами машу.
Ва-банк! Набавь
Жару, кураж!

Вот огонь, но готов
И от той
И от этой
Отказ. А казак-то
Отчаян я. А что
Шипишь?
Миша — нашим,
Миша — вашим,
Мат и тут, и там.

III

Велимир Хлебников

Велимир! Прими, лев,
Восторги. Грот сов
Забудем. Мед у баз,
Вот соты тостов.

Море, ром,
На мили — лиман
И лад, и дали.
Олимп. Мило.
И лети, бог обители,
Как
Форт строф...

Лета сипела: — Але, писатель,
Иди

К армии и мрак
Терпи. Прет
Рота вон. — Но он новатор.
Циники ниц!
Не окоп спокоен.
«В окопе бывший пехотинец
Ругался сам с собой».
— Азия! И за —
Чем меч?
Иго — бой. О, боги,
Ада гул у гада.

А порвет Европа,
Или
Идиот Европу порвет. — О, иди,
Морок, укором
Уму.

Ирод, ори,
Умри. Ширму
Из нор пронзи.
Бар грабь.
Дави и — в ад.
И те миры долой! О, лодыри, мети
Ужас, как сажу.
Как
Сор, брось
Кабана на бак.
То — Молох... О, ломоть
Лебеды дебел.
Ешь, лобан, на больше,
И желт лежи...

Верен не рев,
Не лай неги гениален.
Окно тонко
У муз, уму
Тесен несет
Май миф-фимиам.

Тенор тронет
Нотой о тон
И дев веде
Нам. А шумел ему шаман:
«Русь, ты вся — поцелуй на морозе».
О, логово-Русь! Сурово, голо
Нам, а таежно. Он же — атаман.

Ему в уме:
Гоби и Веды, девий бог
И Разин, и низари,
И лесом осели
Олени. Синело,
Обуло голубо
Тополя. Лопот
Елей еле.

Мороз взором
Оледенел. И не дело
Догадок. А когда год
Лев ввел,
Дал в лад
Событий. И ты бос,
Барон, но раб
Тенеты тенет
Рубил. И бурь —
Потоп.

Не морг огромен,
А кита мета, математика.
Толпа — плот:
И кручи, и чурки.
О, на диво видано,
Как
Убор гробу
И лани пинали
Деляг. Я лед
Леди видел.
Или
Хулой олух
Потух, утоп?

У гениев зари развей негу,
Юн мопс. Помню:
И летописи потели,
Как
И ладони. Но дали,
Чибиc и бич
Вот — сила листов.

Велимир! Прими, лев,
Как
Май, миф-фимиаи.
А кипу тупика,
«Неравенство и горы денег

Заменит песней современник».

Лев Толстой

Еще
Лире верил,
А лира думу дарила,
И образ арбой
Яро грохотал, а то хор горя
Налетит... Елань,
Села да лес
Тут.

Мужики дики ж. Ум
Темен. Неметь
И неметь темени,
Или терпеть. Те претили
Собакевичи. Века бос
Тит,
А баба
Ловка, как вол,
И прет. Терпи,
Как
Лев-богач очаг обвел,
Как
Мот, оплел потом.
Доход —
То пауку, а пот —
Рабу у бар.
И леди в хатах видели
Молодух худолом.
И те дети —
То молили ломоть
(А лебеда дебела),
Или
Ясли ломили. Молился.
— Отче, нищим ищи нечто!
Но левел он.
И кит этики,
И особо босой,
Теша, пашет
Себя бес.

О, вера мира! — Цари — марекво.
Хам — раб в бармах —
Те же ребра бар бережет.
А то Марса срамота.
Годен не дог

Из армии и мрази:
Навозили бомб, а раб мобилизован,
Порот. Оторопь
Мутит ум.
Годен не дог —
Ловелас, в сале вол.
Кумир — беда, дебри мук
От баб-то.
Санин и нас
Туманил, и на муть
Вору машут: еще — туш амуров!

«Я — Ляля,
Я дебелого лебедя
Увижу — живу.
Я — алая.
Я, ага, нагая».
Да грешно, моншер, гад...
Зал гулял у глаз,
Тут:
Демагога мед,
Ром, юмор
Вола, балов,
Мотов о том
Его боге.
И чадили дачи,
Или ноли филонили,
Или били
Черты, быт, речь,
Короб оборок,
Торт с кофе, фокстрот.
Яры доли лодыря.
Дубинка, как-нибудь,
Радуя, ударь
В окна банков.
Укор, бог, оброку,
И обманам — бой!
Мирен не Рим
Пап,
Или
Поп
С иконой. Он окис.
Там годы догмат.

И ил Библии —
Не темы — выметен,
Мыт с лотка, так Толстым,
Как
Удар аду.
Но, отче, что он —

Ил епархии? И храпели
Иереи.
Ими
Нагло бог оболган,
Но Исус и он
На заман намазан.
Ух! Рев сверху.
Туч ему мечут
Грома. Да морг
Не даден
Еще.

Ум его — бог ему.
Мудрен онер дум:
Отчина ничто.
Мир? И мр — пена. Непримириим.
Отче, нищие... Ищи нечто,
Велит нам анти-Лев.

Лермонтов

Балы... Была б
Сила. Возили бомонд и, видно, мобилизовались
Вот на балу гул. А бантов,
Аврор — прорва.
А вальсы — высь, лава.
Но фигур круги — фон,
И лени сила. Глаза лгали, синели.

Хитрил флирт их.
Девы ведь
Не мак, а на камень
Коса. Масса масок.
Черти. Тело летит. Речь
Типика кипит.
Сед здесь
Мод раб. И бардом —
Лешим Мишель.
А маска так сама,
Как
Мина, за ним,
Как
Мор... А Далила шалила даром.

Он музе безумно
Радует. Ее дар
Не вера царевен.

И
Как
Лалы, пылал
Нос маски. Дик Самсон.
Или
Мудро горд ум.
И леди вид юлил, и люди видели,
Как
Леди бог обидел.
Тек на балу гул. А банкет,
Как
Мода чадом,
Не то сотен
Волов
Или
Тысяч... Я сыт,
Арена. Меч нынче манера
На гала — балаган...

А коптят пока
Те еле, — белеет
Утро. Парус. Арки... И красу рапорту
Он дал. И ладно:
Мода — рапорт. Утро — парадом,
А лира — ДУМА там ударила.
Может ямб мятежом,
Как
Лавы вал,
Как
Меч. А знал, сослан зачем...
Тени разлуки, траты, быт — артикул. Зари нет.
И те сети,
Сети ударили. Радуйтесь!
Или буйному ум они убили
Или жар од убили? Будоражили.
Сила тем, а заметались,
А заквакали... Мила Кавказа
Даль. Лад
На душу дан.
А бег и минут уними, Геба.

...Еще
Не убит, и буен.
Не черкес, а засекречен.
И лише рывок Оковы решили...
Надели. Силе дан,
Ты смрад — нажим, и жандарм сыт...

Муза ранена. Разум

Угас. И сагу,
Угасили сагу.
И Машук ушами,
Теша, машет
Тучи чуть,
Роги гор.

Максим Горький

Театр тает,
Нежа лбы, блажен.
На дне дадан, дан
Шабаш
Воров...
Нора. Барон,
Вон Бубнов,
Анна
И Клещ у щелки,
А дала Пепел... ада...
Рабы рабов! О, бары бар!
Сети чуя, учитесь
Уму.
Или Соколами мало косили
Беду сил и судеб?
Или грез Изергили
Не видно Ужу?.. Он дивен
Массам
Наш Горький.

Александр Блок

...Не сыра чаша. Чары. Сень.
И манило долинами,
И озер грезой,
Или
Лугами зима, гул
Ее...
Тени вдали сила двинет,
Как
Саван, но Дама — Мадонна вас
Уведет, и диву увидите Деву —
И,
Как
Море, весна. Маши, шаман, севером!..

Вон вновь —
Кони, долина. Манил одинок

Костер. Прет сок
Зелени и не лез
Ярого горя,
Как
Лава, навал...
Он же дан надежно.
И гудение, и недуги
У России, и ссору
Он видит, и дивно
Небо. Да, надобен
Радуг удар,
Ад и бой, и обида...
Покоя нет. А затеня окоп,
Зияя из
Ила, дымят ямы, дали
Дороги, город
И громада — морги...
Отче, что
Намутило воли туман?..
И кружили ж урки,
И краснел лен с арки —
Так ал плакат.
И мазал глазами,
Шаг ел легаш...
И низа рывок. Оковы. Разини
Толпой, и оплот
Насилия, или сан
Иудин. Гни, дуй
Баррикаду! Чудак и раб
Метались. Сила — тем,
Тем жандармам. Рад, нажмет
Холоп сполох...
Но ветра завыли. Сила в азарте. Вон,
И карта бита. Рати. Батраки.
Атака на ката,
И чад удачи...
Да азиаты мы. Таи за ад
Униата тайну.
Скиф — икс,
Или
Меч и лира, дарили чем
Утро человеку? А науке, воле, чорту?..

Владимир Маяковский

Сила. Покой. Окопались
Сибарит и Рабис.
А за
Ворота вон тащат новаторов.
То пиита рати пот

Мера секла. Жал кесарем
Атаку редактор. О коротка, де, рука та
Нового. Вон!..
Но он,
Тот,
Баб
Не ублажал, буен,
Лаж ужал.
И размером, и морем зари
Новеллы, был лев он.
Окал бог. «Облако»
Летело. Полетел
Ты, был.
Ладно он дал
Окно в зенит. В тине звонко —
Писк, сип.
И мещане мстят... Смена! Щеми
Нос их и сонь...
Лета сипит. И писатель
Тот, не то готентот
Воспевал сов, и во славе псов.
Или
У квартала травку,
А леди сидела,
Лиля шнапс, пан шалил...
Да грезер — гад,
Лепя дебело, «Лебедея» пел.
Пел, слеп,
И о любви. Диво б юлой
Носило боли сон,
А то базара забота.
О горе серого!
Тут
Не дебри мук, а кумир беден.
Вот сила типа кишит в тиши капиталистов.
Тут
Шелка да клеш,
То пока — копоть.
От чада что?
На ласке секса лань
Алела!
Или розу зари разузорили?
То пошлеца цел шёпот
Еще...
А лира, ты мытарила.
И лиру дурили,
И лиру мхом охмурили.
Как
Тина, бара барабанит.
И, лунища, ты вытащи нули,
Они в цене. Бубенец, вино...
И этот... Эй!

Циники, ниц!
Вот, о, идиот. Сто идиотов!
Но взлети, тел звон.
Я им рад, — армия,
Ты бичуй, учи быт
И мещанина щемит
И удали сила, дуй!
Горна дан рог.
Ударим! И дал Владимир аду
Ту ноту. И утонут
И чурки, и кручи,
И рахит, и хари,
И он — иной,
Ареной пионера,
Как
Лед у гор, прогудел.
И размером, и морем зари
Новеллы, был лев он.

Сергей Есенин

Села да лес,
Да сад,
Да сила — палисад.
Не стихала малахит-сень.
То полыни сон, осины лопот,
И луна... кони... вино... Канули
И кони — иноки,
И лепет той оттепели.
Не шабаш себе — бесшабашен
Нес осин и сосен —
Не сонь, но сень,
И разгон у ног зари
Не в звон, но в звень.
Матери-лире там
Как
Лава, душу давал.
Но говоря яро: — В огонь!
Сер Есенин, и нес ересь
Кабака. Кабак
Ему — в уме.
Туши пишут,
Киты: — Нытик,
Кулака лук
Тянул. Унять!
И туманит тина мути...
А на душу дана,
Не сепия, и песен,
Как
Мед жаждет...

Не дубу буден
Тавро зари разорвать.
Да, синел клен, и сад
Матери. Лире там,
Как
Лава, душу давал.

В зале Шишкина

Тени, тени... Нет и нет!
Не сник Шишкин. Сень
От дуба, будто
Течет,
То веет. Ее вот
Он видит. И дивно
Нам: утро, бор, туман.
Тут
И он сел, лесной
Дед.
И он. Зима, бор густеет сугробами. Зной
Весны. Тын. Сев.
Вон рожь. Жернов!
Забери шире баз
Ее,
И на лугу лани.
Тут
Колер елок
Нежа вид и важен
И суров. О Руси!
О нас и писано!
Тут
Ручей катит, и такие, чур,
Виды. Вы — Див
И ударник, Шишкин... Радуй,
Зал, глаз!

Исаак Левитан

Нежен,
Тепел лепет
Луга. А гул
Резок озер
И лесов. Осели
Чуть туч
Уголки к логу
Коряг. Ярок
Лед рдел
Низин.

А ров двора
Хорош, как шорох
Утра мая. А «Марту»
Надо дань
Восторга... А грот сов?
А догматики? — Там года
Тумана муть.
У гения и негу
Увидим, и диву,
Дару рад
И ребенок. О, не бери,
Левитан, знати... Вел
И нес осени
Ум мага гамму
Тона да нот,
А те — в цвета.
И
Лес ив висел,
И
Лил
Луг зари разгул.

Врубель

«Муза!» Разум
Дан над
Модой. О, дом
Мастеров орет сам:
— Ого!
Мутит ум
Не Лета чем... А замечателен
«Демон». Но мед
Не даден
В резерв
Никому. Ум! Окинь
Себя. Бес?
И он не лес Вселенной.
Он нем. Дани надменно
Не видит. И дивен,
И лет ему у метели.
А там? О, рай аромата.
Роз улыбки. Лик был у зорь.
Или
Дур там у Эдема труд?
Куда аду? К
Воле гнал ангелов.
Их умом? О, мухи...
Он в аду давно.
Вот. Но «Мамонтов» —
Кипень. Не пик,

И рапир, и пари,
То — борение. И не робот
Тут,
А за
Лесом осел
Лунищи нуль.
У дома мод, у
Нас и «Пан» написали
И клада «Гадалки»
Намаз и заман.
Мутит ум,
То от
Шипов вопишь,
То вот
Тебе дебет,
То полотен — не то лопот,
Не то тень.
Ищи
Мечту тут! Чем
Шедевр ведешь?
Отче, что
От мечты? Быт чем-то
Ужален. Не лажу
С собой. О, босс
Ада...
Укор року,
Не музе. Безумен
Угас и сагу
Еще
Пел слеп.

Ван Гог

Винсент не с нив
Дал клад.
Он в Арле пел равно
Веси и сев,
И крик кирки.
Манной он нам,
И код — «Едоки...»
Голод долог,
А те щи — нищета.
О, летит сон юности. Тело
Болит и лоб.
Ох, ухо!
А палата — та лапа
Опутала тупо.
Клещи — щелк!
И Гаше шаги.
Зло полз

Аккорд рока.
А лира дарила
Еще и еще.
И дар тетради,
И крик кирки.

Поль Гоген

Тропики. Порт.
Еще
Тело колет
Марша шрам,
А жира Парижа
Не видно. Как он дивен
Тел Таити атлет.
Одно рондо —
Окно Таити, а тонко
Оно.
Силы базара забылись,
Не двинет тени в день
Удел. А Поль лопал еду,
Напевая: — Аве, Пан!
А жена, нежа:
— На, на банан!
На море роман,
А луна канула,
И не трогала гор тени.
А лира царапала, пара царила.
А он, а он: — Ноа! Ноа!
Лепил и пел,
И красавиц, и вас, арки
Лесов, он — новосел.
И он рад неге легендарной.

IV

Иван Грозный

Ум, роняя норму,
Лих и хил.
Навис Иван,
А был гневен, глыба.
Мутило. Болит ум,
А нем. Зияла, жаля, измена.
Тени заря разинет,
Как
Ад, зев. Звезда

Вот ушла. Бал шутов
Тут.
И се регот — итог ереси.
Нам бояре все, сверя обман
Их, и лихи,
И
Лукавы. Ропот! То порывы акул.
И они что? С отчиной,
Как
Сила вола, баловались!
Мал указ акулам!
Как
Сони, нос
Трем себе. Смерть!
Татым я — тать!..
Барин и раб
Ахал. Плаха.
Или бича лапа. Палачи били.
Летит сок. Кости тел
Ломали. Сила, мол,
Те ребра бар берет.
Навис Иван:
— А буду у дуба
Я нем, а за меня —
Откуда ладу — кто?
Или Федор? Вроде Фили,
Не сынок, иконы сень.
Нет мочи, бичом тень.
О, видение! И не диво:
Навилял Иван,
И он мной...
Висок скосив...
Он и убит, и желт лежит... — И буйно
Ты начал, плача, ныть.
Еще
И убор попробуй
Монаха, ханом
Суровел лев. О, Русь!
Коряв, ярок,
Не обут у боев
Ты, быт.
Там годы догмат:
Акты, пытка.
А вон, у догмы дым Годунова
Лил, юлил,
И туже жути
И Малюты быт. Юлами
То пираты-мытари пот
Мотали Пилатом.
И щипали лапищи,
Меря ярем.
Мол, один идолом

Не плакал пень.
Яро творя, яро вторя
«Намаза» заман,
Поплакал поп.
Отче, что
Тропарь? Рапорт
Казак
Дал, как лад
Городу судорог.

Иван Кольцо:

— С Урала Русь
И Оби бой
Вела. Да лев
Нам атаман.
Мол, ад навстречу, черт с вандалом
Нам. А шли мы. Дымил шаман,
И казаки
И лад, и взор гроз видали.
Да что пот? Чад
Нам? А татар брат-атаман
Лично кончил.

Иван Грозный:

— Уж Ермака мрежу,
Имени казака, закинем. И...
И ура! Царуй
Во Сибири, бисов
Казак,
И казаки!
Милел им,
На вид, Иван,
Как
Иов, тих. И твой,
Вон, вновь
Город дорог
Или нов. Зазвонили
Ало колокола.

Протопоп Аввакум

Мук Аввакум
Не убояся. О, буен,
Народен. Не до ран
Ему. В уме
Вот сие: — Неистов,

Мерю тюрем
Нары. Рань.
Темень. Неметь,
Умереть терему.
И лишили
Сана нас...
Как
Лед, удел
Печален. И синела чепь,
Нов злил звон
Ее...
Как
Собака, бос,
Я ел, млея,
Ужо кожу.
Но снеди виден сон.

На свете в сан
Верили. Жили. Рев
Теперь. Трепет —
Мера секты. Сыт кесарем
Поп.
Мода гадам
Течет.
Но кинь, Никон,
Радуюся, удар
Еще.
И маши кукишами,
Даря обедни, инде бояр ад.

Они убили буйно
Ту веру. Ревут
И машут ушами
Макакам,
И кару дураки
Носят. Я сон
Учуял. Я учу.
Я мел племя
Лисиц и сил
Демона. Но мед
Дул блуд.
Се блудил и дул бес.
О рок. Скоро
Умереть терему.
Сану у нас
«Ату!» моему. В уме омута.
На душе взвешу дань
Молений. И не лом
Веры — рев —
Несу сень

Себе небес...
Ага, та ватага,
То палача лапотъ;
Рев зимы, дым и зверь
Аду коптят покуда...
Мук Аввакум
Не убояся. О, буен,
Ясен, зов вознеся,
Яро в огонь говоря:
— Бур сруб
И горит. И роги
На вас, и саван,
Ада псари и распада!
Но мамон
Летел,
А за
Ним ад. Аминь.

Петр Первый

... Немота. Томен,
Ты, быт.
Иное они, —
То ботинки, то бот
Или парус. Ура! Пили,
Работая, а то бар
Или мота томили.
И они будили дубиной
Митрофанов. Вона, форт им!

Или
Те верфи — миф? Ревет
На типа капитан,
Либо бил
И его. — Гей,
Матросы! Сор там.
А на
Утро: — Фелуку Лефорту! —
Не день
Немоты томен,
Но вело доле. Вон, —
Оно —
Ново. Киш, немота! То Меншиков, он!

О, Данилович, и воли надо,
И еще щей,
Тут
Наш обед, дебошан.

Не дрема, замер день.
Но взлетел звон:
На киле великан.
Хор: — О, Петр! Те — порох,
Как
Черти, рады. Дарит речь
На киле великан:

— Се наша — нес,
Али сила?
Туда дадут
В резерв
Воза ядер, вредя... Азов.
Как
Народ, ободран,
А взят, язва.
И крутили турки,
Сила тупа. Запутались.

Упор в Европу
С уремы двинет в тени, в дыме Русь.
Море, вестимо, томит севером...

Те в азарте. Петра завет:
Море — мир, примером.
Но и царище! Щи — рацион,
И курит, и руки,
И пот, как топи
Болота. Зато лоб,
Не муза, разумен...
И рубили бури
Окно тонко.
Упор в Европу
И
Дорога — город,
И
Межа копала. Покажем
Силу лис
И орд, и гул раки. И Карлу гидрой
И т. д. Идти.
Вон с основ!

И рубили бури,
Ломили мол.
То Питер орет. И пот
Лил и лил.
Работали. Сила-то бар,
А народу худо. Рана

Алела
Но город, дорог он
И нов. Звони
Ало, колокола!

V

Иго

... Излить мольбы, признанья, пени...

А. Пушкин

На родине пени до ран,
И мани, сон, осинами.
Намутит яма памяти туман
И манит села палестинами.

На родине пени до ран,
И орды — выдрой.
Или Бату мстит. Смута. Били
Сурово Русь.

А Россия и ссора —
Они, де, едино.
А на распри — пир пса. Рана
Та кровава. Вор — кат
Те жилы лижет,
И лари бояре, беря, обирали.
И они виной
Ада,
Мол. А хан нахалом
Катил и так
И пер. Конница растет сарацин. Но крепи
Дороги и город...

На родине тени до ран.
Тени кто откинёт?
Алла! Алла!
Тащи! Пищат:
— Ищи
Коня и ссор, и россиянок!

Но могуч угомон,
Не иго гиен,
А дана рубка, как буран ада.

А дрожала ж орда.
Куликово! Ловок и лук
Или
Топора ропот,
Или буре меча, чем и рубили
Орду мудро...

...Обил ибо
Давно Мамаю. А мамон в ад
Путлял, туп.
Катили так
Не шар к Сараю, а раскрашен
Мечем,
Как
Туша, шут,
На ходу чудо — хан...

Еще
Весна мутила дали. Туман, сев,
И гул поля, радуя, ударял о плуги.
И хорошело поле, шорохи
Нежили жен.

Восстание Разина

Я Разин и заря!
Утро человеку! Муке, воле, черту —
Не дети — молитесь. Сети ломите. День
Иго вертит, и тревоги
Туда падут.

Роди, рок, коридор
Ужасов. Осажу
Ужо рожу
Я ему, умея.
И мага шагами —
Не лет ив — иду я, удивителен,
Казак,
Великан равнин, варнак и лев.

А тон — дебош. О, беднота!
Забирайте тиар и баз
Там сокровища. Тащи, вор, космат
И убог. Обуй
Себя, бес.
В окоп оков

Не щуп опущен
Милости. Лоб болит. Солим
Рану у нар.

Там орал аромат
Воров,
Варнака нрав,
Тупик тел, плетки путь.
И екал лакей.
То плавал пот
Рабов. О русь, сурово бар
Гони, и ног
Им жир прижми.

Не воду гудовень
Мутил, а налит ум,
Как
Морок, укором...

Барщина. Нищ раб.
Или бичи били,
Или
Тумака муть,
Или
Тело комедия? Идем околеть.
Чах и лихач —
Казак.

Не воду гудовень
Лил,
А летела-залетела
Молва в лом
И леса. Засели
И шиши,
И ребята: — Батя, бери
Дуьинку, аукни. Будь
Тать.
Барина дани раб
Лишил.
У гула на лугу
Ударили раду.

Еще
Ни зари. Разин —
Нам атаман!
От низа Разин-то.

Идем! Нов звон меди
Набата. Табань
Раба на бар,
Тащи пана пицать!
О-го-го!
Сила наша на лис
И волка. Так лови
Чад удач,
И Волга, шаг лови,
Бот, чтоб
Летел.
Сила — вода. Радовались...

Метем,
Как
Сор, бояр. Зря оброс
Ты, быт
Отчин. И что
Бояре? Беря лоб,
Коси висок!

Казак!
Маши шишам,
И поротого торопи.
Меду бодрого гор добудем,
Гуляем, имея луг
И мак пашен. Не шапками
Меду бодрого гор добудем,
А на
Коня! И с репса вас, персиянок,
Утащим, ища ту —
Удалого ладу.

Напет Степан
Недолями. И мяло день,
И мяло болями
Воров.
Гуляйте, дети! Я луг,
Я Разин и заря!

И казаки,
Они демоном, едино,
Как
Укор скачут, и туча к сроку...

Отче, что

Беда сулит? Ил усадеб
Метем, сметем!..
Еще
На плаху ухал пан...
Какие царя рацеи? Как
Еще
Указ? А кара казаку!..
На дыбы дан
Заказ.

Но казни демоном — един закон.
И оргия игрой —
Мором
Гуляла, валя луг,
Веси и сев,
А нам атамана
Уничтожила. Пали ж отчину!
Ищи
Луг заране на разгул
И разноси сон зари.
Али сломана, мол, сила?..
Еще
Яро гулял у горя
Казак.

1812 год

На рубеже буран.
Неман! Знамен
Еще!

Сила дика. Кидались.
То по реке ропот,
Топот,
То порывался славы ропот.
Лил, рубил и бурлил
На рубеже буран...

Тут
Село. Лес.
Вон Вильно. Сонь ли вновь
Нежила бал и жен?..
Тек на балу гул. А банкет
От чинов. Они что?
Ух, рано монарху
Они елейно
Мутят ум.

Но он
Лисил,
Моргал. А бала гром
Течет...

Телам алеть,
Тени синет,
Тине тенить,
Те пили — петъ.

Кому умок,
Ищет у тещи
Доход.
Ого! Кого
Амур ума
Лишил?..
И леденя недели —
На рубеже буран.
А на крен амуру, манерка на
Возу тукала. Кутузов
Катил. Итак,
Вознесен зов
К армии и мрак
Отнесен. То
Вел лев —
Улисс силу —
Таран на рать,
Как
Угар врагу.
Еще
Ода нот... Что надо
У россиян ему? Меняй ссору,
Сил, и мирись,
Иди, уйди...
Летел
От часа час. А что
Ему, врагу, угар в уме?
Ода, не надо
Магам
Трапа. Но Бонапарт,
Как
Ледолом молодел,
И гнал фланги,
И оба на бой.

Тут как тут
Черти тумана. Мутит речь.
Их лики лихи,
И орут, а натурой —

Или доходили
Они до гроба? Зато Бородино —
Потоп.
На луг, улан!
На драгун угар дан.
Тот, этот
Кромсан. Насморк
Либо побил
Императора. Рота репми
В резерв
Топала. Пот
Катил. Итак,
Метала темь
Ураган нагару.
То порох, эхо, ропот.
Ох и лихо там у суматохи, лихо!
Но взывал славы звон.

Ворвались. Сила в ров
Катила. Вали так,
Лети, тел
Комок.
Уж редут удержу!
Да за ними. Назад,
Вороны!.. Но ров,
Как
Тел переплет,
Как
Ад набит и банда
Типов вопит...

Мера галла — гарем.
Химера гарем их.
И тесно он сети
Мота крепил, и пер катом,
И выл: — Плави!
Но серо море. Сон —
Москва. Лги, главк — сом,
Ищи
Лабаза бал,
Ищи раж... О, пожарищи!
Кремль мерк
И лалы пылали,
Как
Закуты базара. Забыт указ.
Или
То порядок? Школя ропот
Зло полз.
И ни
Удали, ни ладу.

И уже не жуй
Корок
Комок, —
Нету! Мутен
Покоя окоп.
Ешь ладан! А дальше
Теснин сеть.
Но стужи лижут сон
Команд. Намок
Унтер. Орет: — Ну!
Ищи
Коня! Тропу! Портянок! —
А зараза
Та же. Бежать!
Але! Пела
Летя мятель,
Как
Море Сибири бисером
Мороза, разором.
И леса насели,
И казаки.
И кипело поле. Пики
Ломались, сила, мол...
Не роза — лазорен
Мороз. Узором
И лики ж умыты. Мужики ли,
Как
Тур, полем умело прут?
И обуло галла голубой
Пеленой. О, нелеп
Дел след.
И от славы тепел улепетывал. Стой!
Шарашь
Лаптями!.. И, мят, пал,
А был глыба.

VI

Марево

О вера моя, о марево,
Вы ропот, то порыв,
Как
Ветер, орете в
Окно. Так шуми, зимушка, тонко,
Намути туман,
Намаши игру пурги и шамань.

Будили ли дуб,
Носили ли сон
Мечты (быт чем
И хорош) и летели шорохи,
И летят ели,
Ажур кружа.

Тучами зима чуть
Тени кинет —
Меркнет стен крем,
И от сугроба бор густой,
Как
Немота, томен,
Или
Суров. О Русь!
Я нем. И меня,
Как
Будто тот дуб,
Обуло грезой озер голубо.
Но сыми зимы сон
И радугу дари,
И кумира дари муки.
О вера моя, о марево.

Верь

Колесо пело. Поле. Поселок.
А за
Ним тмин
И мак. Шумело поле мушками.
Ах и пел бог! Облепиха
Али сияла? Валяй, сила:
Ревел клевер,
Ревело поле: верь!

Но мед и демон,
И бог и Гоби —
Сила, вижу, — уживались.

Вот Кафки лик фактов.
Мод ярмо. Ром рядом
И гашиш у души. Шаги
Ига, шаги
Идиотов. Отойди,
Махров вор, хам,
Намок рано наркоман,
Но он,

Вор, именит в тине миров.
И они в алкаши. Как ишак. Лавиной.

И лодыри жиры, доли
Сирого, рис
Тащат.
И те дики дети.
Не жди, бог, обид жен.

Мечту-деву уведут. Чем
Теперь трепет
Тела жалеть,
Унять? Тяну
Ноту меч. К чему тон,
Как
Лоза, зол?
Ах и так, черт, строчка тиха,
Там иную унимать
У народа надо рану —
Воспитать и псов.

Силы мои омылись
В омуте лет, умов,
Я вижу ли силу, живя,
Как
Море, могучую. Учю Гомером.
Ревел клевер,
Ревело поле: Верь!
То вера заре. Вот!

Дива

Увидя Диву,
Недужен нежу день
Тот.
Велит сон веры: ревности лев
И желчи бич, лежи!
Мадам, о Лебеде белом Адам
Ноет. И диво ли мило? Видите, он
Мудрости желал, а лежит сор дум.

Ей муз арена — неразумие.
А муз аренда на дне разума.
Он — кому ум окно —
Он видит сон юности. Дивно,
Лепетно тон тепел,

А пери все же свирепа.
Мороз улыбки дик был узором.

Узор губ угрозу
Нес, осень.

Вот ушла, звала в зал шутов.
И, утеснен, сетуй.
И возьмет темь. Зови
И мани встречу, черт с винами.

Недужен нежу день
Тот.
Нежу ненужен,
Как
Косе песок.

У грота

У голого логу
Лен еле зеленел.
В озере зов
И щуки, и кущи,
И тины нити —
Сила. Жались
Осоки косо,
И разлетом отел зари
Лилово лил,
И горели в иле роги
Коряг. Ярок
Гимн — миг.
— Ищи, — пытала ты, — пищи
Уму
И телу. Лети,
Даря, рад,
Дел след.
Отче, неведомо деве нечто.
Мани, лодка, к долинам.
У грота торгу
Чуть. Туч
Тени нет.
Ты пойми опыт
И Уле целуй
У вен искосок синеву.
А лира парила,
И одой
Не раз озарен

Лани финал.
Невидим и дивен
Грот сов, а восторг,
Как
Луна, канул,
Угас он, но сагу
Грот, сияя, исторг.

Весна — рок, Коран, сев,
А наружу рана.
Весна — реверанс Ев,
А нам ореолы, бывшее романа.

В октябре

Голо. День недолог.
Сором зим изморось
Начала чан
Вихревой. О, верх ив
Гол, как лог,
Как
Шило. Лишь
Колер елок,
Как
Еж, тот же.

А лазури мир у зала
Лесов осел.
Не сини сень.
А желтеет лежа
Лист от сил
Мороза. Разором
Моросит и сором.
Циники, ниц!
Вон ветер. Орете вновь:
Магия и гам.
Но, взвив звон,
И махун-ветер орет евнухами,
И разметал атом зари,
Отлетев. Ветел-то
Тени нет.
Голо. День недолог.
Сором зим изморось
Течет.
Но строчи, чорт, сон
О лесе весело,
Как
Возле пел зов

Роз и зорь.
Но медлил демон.

Ода юности

Низина низин
И низина разини —
Те черепа наперечет.
Мрут шуты. Быту — штурм.
То дна рутина. Мани, Турандот,
Как
Ода народа. Задора надо
Еще и еще.
А копушу, пока
Удали ладу —
Нам орлам мал роман.
Лад и мир прими, даль.
Тут
Весна. Титан-сев
И жар, и виражи,
И лира — царили,
Да под зев зари мира — звездопад
Новаторов... Как ворота, вон —
Дорога. Город
Да сад,
Как
Те дубы будет.

Манит сон юности. Нам —
И разул у зари,
И утро парадов. Ода, рапортуй:
Мы, вон, с урожаем у вас! (а в уме, аж ору) с новым!

К звездам

Еще и еще
Дива вид
Мирового. Говорим:
— Ищи
Мечты! Быт чем
Не раз озарен. —

Мани, турнир! А Гагарин рутинами,
Как
Нож он.
Ты пойми: опыт

Дал веку, а науке в лад —
Конец оценок.
(Еще
Мутят ум:
Да что тот чад!)

А на
Арене — Венера
Манила дали нам...

Да!.. Рапорт, утро, парад!
И народа до рани
Тут.
На, титан,
Ладони... Но даль
Широкую укоришь,
Или
Року укор...

Но он
Летел.
Мы путь тупым
Меж акул укажем:
Воротом и массаами моторов
Миров творим
Новь. Вон
Еще и еще
Мира душу дарим.

И манит, сияя истинами,
Мечтами, матчем
И мачтами
Сурово Русь.

«Не стен гордо дрогнет сень...»

Не стен гордо дрогнет сень.
Я нем. Иду спокоен. Не окоп суди меня.
Не дымят ямы. День
Летел.

Да, где сосед гад, —
Море могил. И Гомером
То пишу души пот,
То рисую у сирот

Пап и мам.

Иго было. Голы боги.
И лисили,
Или Марса срамили,
Или пилюли пили.

Таков, да, адвокат,
Он беду судебно
Тише решит.
Мечту мою — омут чем
У мин униму?
Еще
Течет
Пир Хиросимы — дым и сор, и хрип.

Или
Тур мутен? Нет, умрут
И рабы рыбаи.
На море разве в заре роман?
Ад у колыбели. А на иле было — куда?

Летами наниматель
Лакал,
Как
Вор, кровь.

Меч Азии зачем?!
Тут
Море могил. И Гомером
То пишу души пот,
То рисую у сирот
Пап и мам.

«Один, души пишу дни до...»

Один, души пишу дни до
Отказа. Кто
Ты? Пойми опыт
И жар и миражи.

Я вижу, живя,
Не Лик, а везде лед зевак и лень
Мумии. Им ум,

Как
Нож он.

Тот
Удал к окладу,
Но в тине взлетел, звенит вон.

Род звона, но вздор.
Снес нонсенс.
Но он
И жох-схожи.
Лидер — бедалага — Ладе бредил:
«Ныло поле, манило дол, и намело полынь,
Мокнет окрест». Сер, котенком
Шедевры до дыр ведешь.
А не жалела жена.

И лиро-псари мира спорили:
«Не жар — то отражен,
Мечту воззовут чем!»
Тот
Теории роем,
А то — барана работа.
Те носили сонет.
Нового били, богов он
Не ублажал буен.
Тот
Мастит сам,
Но балабон.
Не туман, а мутен.
Али было? Марка крамолы била?

Ему в уме
Не оды, выдоем.
Я вижу, живя,
То вялого классика, закис с алкоголя, вот
Ударит тираду,
И жарит тиражи,
И рад, и дар, и
Лад ему медаль.
Он ту музу мутно,
Как
Лямку мук мял.
А копии пока
Он, видите, шипит и пишет, и дивно
То план гнал пот.
И еще вещей
Не дал хор, прохладен.

О, горе серого,
О, хилого лихо,
И косого соки.

Может я мятежом
Зело полез,
А мусор повес все — вопрос ума?

Нет! Ты, быт, — тень!
Не севером море весен
Возвестит сев! Зов
Моря! Лги фигляром
Тот, этот.

Один, души пишу дни до
Отказа. Кто
Ты? Пойми опыт
И жар и миражи.

А муза разума
Течет
И Лета сипит. И писатели,
И поэты есть мудрые на Руси!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга Н. И. Ладыгина вообще-то существовала задолго до ее выхода и в разных вариантах. Первый вариант Николай Иванович сделал сам в начале 70-х годов — это было несколько машинописных экземпляров в переплетах. Затем в 80-е годы я составил один за другим три варианта. Один из них — перед вами.

Обращение к палиндромической поэзии оказалось для меня важным сразу в нескольких планах. Поставив перед собой очень простую задачу — «привлечь любовь пространства» к палиндромии вообще и к творчеству Ладыгина, в частности, через какое-то время я оказался в магнитном поле, которое подсознательно сам же и создавал в общении со стихами Николая Ивановича. Очень важно, что рядом со мной постоянно были и остаются сыновья и дочери Ладыгина — Борис, Елена, Алексей и Татьяна, которые помогали и помогают мне в работе своим серьезным отношением к творчеству отца, самой памятью о нем. Начальный этап этой работы проходил в тесном общении с моим учителем по филологическому факультету — историком литературы Б. Н. Двиняниновым (1911 — 1987), с которым мы написали совместную работу, задержавшуюся в печати почти на шесть лет.

Как в свое время для меня были стимулирующими публикации В. К. Хромова в «Науке и жизни», работы В. М. Алексеева и Д. Н. Воскресенского (о китайском палиндроме), так, возможно, публикации стихов Ладыгина в газетах и журналах активизировали палиндромическую ауру. Во всяком случае, благодаря своим почти десятилетним поискам, я познакомился с интереснейшими авторами, которые только-только выходят к читателю, хотя творческая активность многих из них

насчитывает десятилетия. Это — Д. Авалиани, В. Гершуни, В. Пальчиков, В. Хромов, М. Крепс, А. Белашкин, Г. Лукомников, А. Бубнов, В. Рыбинский...

В 1991 палиндромическом году, 21 декабря, в Москве состоялся I фестиваль русского палиндрома, месяцем позже прошла конференция по проблемам палиндромии. Все это было организовано на чистом энтузиазме А. Белашкиным и Г. Лукомниковым (Бонифацием). Фестиваль и конференция усилили творческие процессы в палиндромической среде. В Курске Александр Бубнов организовал клуб палиндромистов, стал выпускать микрогазету «АмфиРифма», в 1992 г. издал (компьютерным способом) книжку палиндромов «А лира дарила» тиражом 101 экз. В дни, когда пишутся эти строки, Бонифаций заканчивает набор антологии палиндрома, им составленной.

Форма приобретает достойный статус. Между тем спорность ее остается стимулом для развития.

Сергей БИРЮКОВ.